

ИРИНА СОЛОВЬЕВА

В потоке творчества:

ХУДОЖНИК...

Ирина Соловьёва

**В потоке творчества: художник...
Терентій Травнікъ в статьях,
письмах, дневниках и
диалогах современников**

«Издательские решения»

Соловьёва И. М.

В потоке творчества: художник... Терентій Травнікъ в
статьях, письмах, дневниках и диалогах современников /
И. М. Соловьёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856719-3

Первая книга из серии семикнижья «В потоке творчества: художник» открывает возможность детально познакомиться с живописным творчеством Терентия Травника — яркого выразителя современности. Здесь же автор представляет и некий срез нашей эпохи. Через коллекцию литературных портретов современников, оказавших влияние на внутренний мир художника, можно составить и портрет поколения. В книге представлены фотоматериалы из личного архива семьи Алексеевых и некоторые иллюстрации картин Травника.

ISBN 978-5-44-856719-3

© Соловьёва И. М.
© Издательские решения

Содержание

Слово к читателю	7
Светотени судьбы художника	11
Картины как миры...	12
Путь от рисования к живописи	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В потоке творчества: художник... Терентій Травнікъ в статьях, письмах, дневниках и диалогах современников

Ирина Михайловна Соловьёва

© Ирина Михайловна Соловьёва, 2017

ISBN 978-5-4485-6719-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Михайловна Соловьёва

В ПОТОКЕ ТВОРЧЕСТВА:

ХУДОЖНИК...

Терентій Травнікъ в статьях, письмах, дневниках
и диалогах современников

КНИГА ПЕРВАЯ

**РОДИТЕЛЯМ ТЕРЕНТИЯ ТРАВНИКА
АЛЕКСЕЕВЫМ
АРКАДИЮ ПАВЛОВИЧУ И
ЛЮДМИЛЕ ГЕОРГИЕВНЕ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...**

«Я мыслитель типа исключительно интуитивно-синтетического. У меня, бесспорно, есть большой дар сразу понять связь всего отдельного, частичного с целым, со смыслом мира. Самые ничтожные явления жизни вызывают во мне интуитивные прозрения универсального характера. При этом, интуиция носит интеллектуально-эмоциональный, а не чисто интеллектуальный характер. За малым и раздельным в мире я вижу духовную действительность, из которой проливается свет на все. Наиболее важные для меня мысли приходят мне в голову, как блеск молнии, как лучи внутреннего света. Когда я начинаю писать, я иногда чувствую настолько сильный подъем, что у меня кружится голова. Мысль моя протекает с такой быстротой, что я еле успеваю записывать. Я не кончаю слов, чтобы угнаться за своей мыслью. Я никогда не обдумываю формы, она сама собой выливается, моя мысль даже изначально связана с внутренним словом. Я почти никогда не исправляю и не обдумываю написанного, могу печатать в таком виде, как первоначально написалось. Поэтому в моей манере писать есть небрежность. Я делаю лишь небольшие вставки и иногда этим нарушаю последовательность мысли. Манера писать у меня, как я говорил уже, афористическая, хотя эта естественно свойственная мне форма недостаточно выработанная и последовательная. Афоризм для меня есть микрокосм мысли, в нем в сжатом виде присутствует вся моя философия, для которой нет ничего раздельного и частного. Это философия конкретно-целостная. Я всю жизнь пишу. Писание для меня духовная гигиена, медитация и концентрация, способ жить. Писать я всегда мог при всех условиях и при всяком душевном состоянии».

Николай Бердяев из книги

«Самопознание. Опыт философской автобиографии».

Слово к читателю

*«Если мы не займемся жизнью, то она сама займется нами
и не стоит думать, что мы совпадем
с нею во взглядах...»*

Читая эти слова в одной из статей Терентия Травника, подумала, что отдельно взятые, они могут показаться иному читателю несколько уставными, почти академичными. Могут, если не знать, что стоит за ними для самого Травника, каким «золотым наследием» пережитого им опыта обеспечены их действительный «курс», их реальная стоимость. Опыта человека, который всю жизнь посвятил занятиям с собственной жизнью, взяв ее за основу всего своего творческого и духовного пути.

Быть может, в поисках лучшего определения из-под моего пера вышло нечто, далеко не выражающее того ощущения, которое остается после встреч с поэтом и знакомством с созданными им мирами. «Золотое наследие» – это так условно, неточно, когда речь идет об изобилии, громаде жизненного опыта, вобравшего в себя не только самого Терентия, но и множество людей, с которыми как-то пересекалась его судьба, от самых близких до мимолетных случайных попутчиков в его многочисленных путешествиях по жизни.

Первая книга «В потоке творчества»: «Художник» открывает возможность детально познакомиться с живописным творчеством нашего современника.

Игорь Аркадьевич Алексеев – яркий представитель эпохи, в которой мы живем. Интеллектуальные способности, разнообразные интересы и созидательная деятельность помогли ему добиться поразительных достижений в поэзии, музыке, живописи, философии, публицистике и в других областях гуманитарных знаний. В совокупности все это вызывает неподдельное внимание и уважение к его личности, к его судьбе. При написании книги мне хотелось представить и некий срез нашей эпохи. Через коллекцию литературных портретов современников, оказавших влияние на его внутренний мир, можно составить и портрет поколения. Означить и почувствовать дух времени помогут фотоматериалы из личного архива семьи Алексеевых. Для наглядности здесь представлены иллюстрации картин Терентия, созданные им в разные годы, в разнообразной технике, непохожие по стилю и сюжету.

Книга состоит из отдельных статей независимых авторов, отражающие в биографических подробностях отдельные виды творческой деятельности Терентия, что поможет читателям создать вполне объективный его образ и путь жизни. Уникальные дневниковые записи, представленные самим поэтом в процессе написания книги, позволяют полностью погрузиться в те или иные жизненные события и ситуации, иллюстрируют их многочисленными живыми фактами и эпизодами. Основу этой и всех последующих книг этой серии составляют мои иссле-

довательские и биографические статьи, создававшиеся, что называется, с натуры в течение многих лет близкого общения и естественного наблюдения его жизни и творчества, которые помогут расширить восприятие и понимание природы подлинного таланта.

Материалы о творческих встречах, знакомствах, местах работы или общей объединяющей деятельности, собранные в единую картину времени, помогут каждому из нас, в процессе их изучения, почувствовать судьбоносность отдельных отношений с поэтом, повлекших впоследствии качественные изменения их личности и жизни.

У нас есть уникальный случай, соприкасаясь с произведениями Терентия, впитывать в себя живое поэтическое слово мастера, возрастать своей душой, научиться благодарить жизнь за благие деяния и по возможности маленькими частичками своего тепла уметь согреть других.

Идея создания этого проекта возникла спонтанно и поразила своей неожиданностью. А поводом послужил тот факт, что Людмила Георгиевна Алексеева¹, по своему обыкновению, как-то раз, вошла в рабочий кабинет Терентия с журналом в руках и зачитала отрывок из работы Николая Александровича Бердяева² (1874—1948) «Самопознание. Опыт философской автобиографии». После прочтения, посмотрела на нас поверх очков и спросила: «Вам это никого не напоминает?»

К слову сказать, семья поэта из читающих, а Людмила Георгиевна – истинный книголюб, любит перечитывать публицистику Юрия Трифонова, обращаться к книгам из серии «Жизнь Замечательных Людей» – писателей, художников, поэтов, артистов; и если встретится с чем-то интересным, то сразу делится со всеми, зачитывая вслух заслуживающий внимания отрывок. Вот так и появился эпиграф к этой книге, вымостивший направление её повествования, но главное – во многом созвучный с творческой личностью Терентия Травника.

Поразительно то, что автобиографическая характеристика Николая Бердяева – универсальна. Она присуща всем творчески одарённым людям с высоким уровнем мастерства в различных видах искусства, от века живших на Земле и подаривших человечеству нетленные шедевры, вошедшие в сокровищницу мировой культуры, способные волновать и восхищать наши сердца и сегодня. Очень часто такие люди полиматичны, они в своем творчестве могут сочетать яркие достижения в различных областях и несвязанных между собой направлениях видов деятельности, таких как музыка, литература, философия, поэзия, изобразительное искусство и наука. Их имена хорошо известны – Леонардо да Винчи, Микеланджело, Эрнст Гофман, Михайло Ломоносов, Михаил Лермонтов, Владимир Высоцкий и другие. И хотя в своем проекте «Литература и живопись» Терентий говорит, что «рисующий писатель и пишущий художник явление не такое уж редкое в жизни творческих людей», соприкоснувшись вживую с трудами Терентия, испытываешь необъяснимый трепет души.

Когда-то, в далёком 2006 году он написал: «У меня множество идей, десятки проектов книг, фильмов, музыка к спектаклям, авторские дизайн-программы, живопись, фото, философия, лекции и консультации, и это только начало...». В предлагаемом издании читатель познакомится со многим из того, о чем Травник писал тогда и осуществил впоследствии.

Изначально была задумана одна книга из семи глав, но в процессе работы материала оказалось настолько много, что решено было выпустить серию из семи книг под общим названием «В потоке творчества»: «Художник», «Музыкант», «Поэт», «Творческие проекты», «Путешествия и подвижничество», «Творчество и Личность» и «Связь поколений». Выражаю искреннюю надежду, что первая представленная работа из этой серии «В потоке творчества: «Художник», будет интересной и полезной. Знакомясь с каждой книгой, вы сможете составить свое представление о талантах нашего современника, сумевшего, опираясь на природные дарова-

¹ мама Терентия Травника (1938)

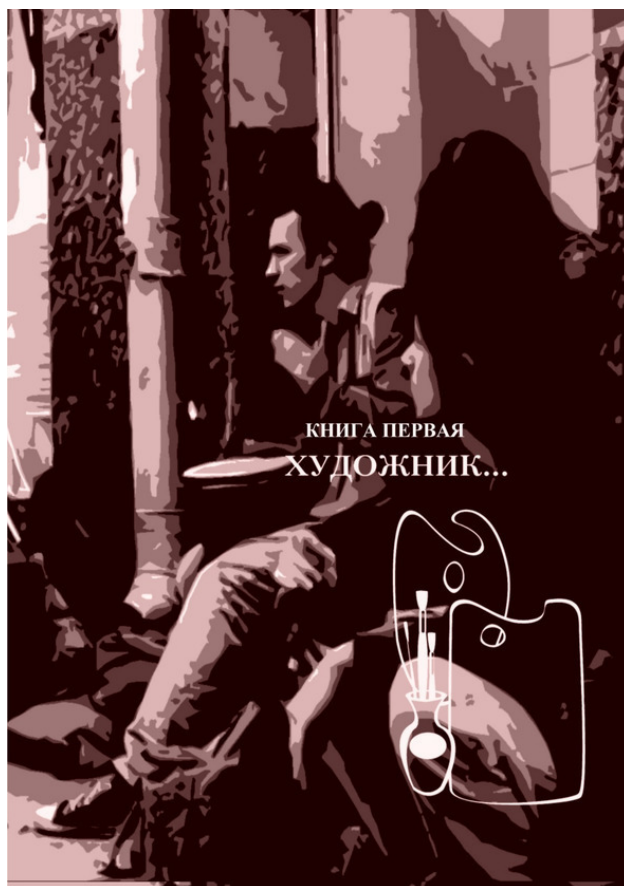
² русский религиозный философ и семикратный номинант на Нобелевскую премию по литературе (1942—1948)

ния, раскрыть свое истинное призвание и реализовать себя в служении Творчеству, сделав свою жизнь наполненной и осознанной.

Издание адресовано всем, кто интересуется творчеством Терентия Травника, а также тем, кто занимается поисками себя, своего места в жизни и своего призвания, где в полноте смогут раскрыться все таланты, дарованные каждому человеку при его рождении.

*С уважением к читателю,
автор Ирина Михайловна Соловьёва*

Светотени судьбы художника

Первый мазок художника сродни точки у литератора. На таком же белом, как и лист, холсте начинается действие. Мне посчастливилось увидеть многие произведения Терентия-художника, и не только в альбомах и каталогах.

Открывая свое повествование, я решила начать с художественной ступени творческой жизни поэта – «белой радуги». Именно так он в поэзии и прозе называет свое изобразительное искусство. В этой главе представлены материалы, раскрывающие талант художника Терентия Травника: непростой путь от рисования к живописи, этапы становления в искусстве и отношение к нему, которое менялось с годами по мере созревания души мастера. Значимые встречи и знакомства, кардинально повлиявшие на ход судьбы Т. Травника в живописи, его первые выставки, начиная от вузовской художественной студии и до воплощенного им в жизнь проекта авторской галереи Delon` с ее особенностями развития; и многое-многое другое позволят открыть одну из сторон его таланта. Как-то раз Терентий поделился, что в детстве мечтал стать археологом и ездить в экспедиции на раскопки. Творческий дух мастера, постоянно присутствовавший при написании каждой главы, вселял в меня поразительное ощущение именно археологического подхода к работе, когда слой за слоем я старалась вскрывать и выносить к читателям неповторимый мир художника. Так был сформирован общий подход к названиям глав книги и к её структуре. Отныне каждая последующая становилась новым неведомым ранее культурным слоем личности, постепенно открывая богатства глубин его души. Но обо всем по порядку... Картины Травника – это не только один из способов выражения философии художника, но и независимые многослойные миры, открывающие своему зрителю особые космо-психические измерения и пространства, существующие в каждом из нас. По сути – это ещё одна возможность не только в цвете и символах отобразить глубины внутреннего мира человека, но и посредством чувств восприятия позволить ощутить многообразие и сложность окружающего мира – видимого и невидимого, ощутить через символические образы, стимулирующие полет фантазии зрителя. Сам поэт всегда отзывался о своей живописи, как о способе размышления над бытием, считая себя, прежде всего, рисующим философом, для которого живопись воспринимается лишь, как инструмент для собственных философских поисков.

Тщательно подобранные статьи, комментарии друзей-художников, взгляды ценителей живописи Терентия на отдельные его работы, беседы и встречи наиболее полно создают портрет нашего героя, как художника, так и философа и раскрывают свойства его искусства, вызывающего неизменный зрительский интерес.

В Приложении №1 в конце книги представлен Каталог его живописи, являющийся на текущий момент наиболее полным из всех известных ранее. Изучая документы и частные коллекции, мне удалось существенно расширить границы описания архивов созданного художником, внести ряд уточнений в даты написания полотен. Многие работы не были зафиксированы самим автором перед тем, как покинули его мастерскую. Об их содержании, а также дате их написания можно было узнать только из параллельно существующих публикаций и архивных материалов. О существовании некоторых из них я узнавала лишь в переписках художника. Вносить их в каталог данного издания я не стала, посчитав возможным предоставить дальнейшую детализацию по их описанию текущему ходу времени. Своей же задачей поставила отражение в книге только проверенных фактов и реально существующих свидетельств.

Картины как миры...

Добро пожаловать в мир Тэтэ – так зовут этого человека его друзья, в числе которых и я, ваш покорный слуга и старинный друг Травника – Николай Ефремов.

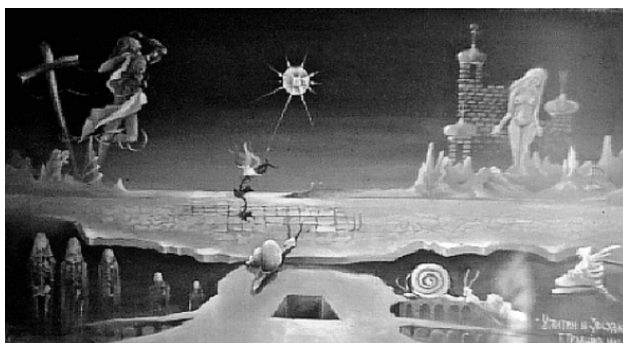
Лично я воспринимаю картины Тэтэ как миры, в которых можно путешествовать. Пространства, существующие автономно, почти реальные и наполненные особым смыслом... Транспортным средством для передвижения в них является наше воображение, усиливающееся вследствие индивидуальной трактовки каждым зрителем по-своему картин мастера. При этом на смысл, заложенный первоначально самим автором, неизбежно накладывается и ваше собственное восприятие, и чем больше точек соприкосновения будет в этих позициях, тем выше степень «узнавания», «родства» художника с вами. Другими словами, картина «зазвучит» и начнет вами приниматься, вступив в скрытый диалог.

В работах Терентия Травника это свойство выражено особенно сильно, несмотря на различные техники, используемые художником. Каждая картина автора не похожа ни на последующую, ни на предыдущую, она закончена и самобытна. И, тем не менее, на всем творчестве Тэтэ лежит один, если можно так выразиться, покров. Это покров невероятного творческого напряжения, полной самоотдачи в стремлении максимально приближенно передать квинтэссенцию глубинного, сокрытого от беглого взгляда образа мира.

Предельно точно воспроизведена цветовая гамма, тщательно проработаны детали, со вкладыванием в их узор тайного авторского смысла. Всякое отсутствие ложности и угождения перед реальностью, высокий профессионализм и, наконец, неповторимость, самобытность – вот объединяющая основа, составляющая уникальную ткань его произведений.

Хочется отметить, что творчество Терентия Травника – это удивительно поэтичное явление в нашей жизни, странное, загадочное многообразие тем, взглядов и идей.

*Николай Ефремов.
2006 год*

Т. Травнік. Улитки и Звезда. Холст, масло. 1990—1992

Путь от рисования к живописи

С раннего детства Терентий воспринимал рисование, как нечто само собой разумеющееся и чувствовал себя при этом, как рыба в воде. Казалось, что его любовь к этому виду творчества родилась вместе с ним. Да и кто из нас в детстве не любил это занятие? Рисовали, действительно, многие, а вот художниками стали единицы, ведь детский рисунок – это далеко ещё не живописное полотно. Терентий мог часами вырисовывать фигурки человечков, животных, жанровые сценки. Любимым у него было изображать исторические сражения, баталии танков, морские и воздушные бои, где он скрупулезно прорабатывал все эпизоды и сцены, постепенно покрывая лист массой прорисованных подробностей и деталей.

Карандаши и бумага находились всегда рядом с ним. Рисунки были на разные темы. Он много фантазировал, придумывал, иногда что-то срисовывал и дорабатывал по-своему. Однажды он настолько увлекся своим занятием, что обыкновенного альбомного листа ему оказалось мало, для того, чтобы разместить все персонажи и сцены, которые теснились в его воображении, и он перенес свои художественные фантазии на большой лист ватмана. Мне довелось его видеть. Действительно, он впечатляет и по размерам, и по сценкам с тысячами миниатюрных героев! В семейном архиве по сей день бережно хранятся многие детские рисунки маленького Игоряши.

Терентий Травник. Фото Т. Кудиновой. 2004 г.

В школьном возрасте он продолжил совершенствовать свое изобразительное мастерство, посещая изостудию в районном Доме пионеров. В то время они жили в старом, четырехэтажном доме по 3-му Ростовскому переулку, что стоял на Мухиной горе недалеко от улицы Плющиха. С переездом на новую квартиру с уроками рисования стало значительно хуже. В районной школе иногда по месяцу не было занятий, а те, которые случались, проходили, по его словам, невыразимо скучно и однообразно. Вел уроки рисования учитель черчения по совместительству. Перегруженный своими прямыми обязанностями, он, не мудрствуя лукаво, ставил стул на парту и водрузив на него гипсовый куб или пирамиду, давал ребятам задание всё это нарисовать.

Немалая часть детства будущего поэта прошла в санаториях Крыма (в любимом санатории имени Тараса Шевченко, в г. Евпатория), в подмосковном санатории имени Герцена, на даче у друга отца в поселке Софрино и пионерских лагерях. Каждую смену он непременно входил в состав редколлегии, выпускающей отрядные стенгазеты. Для него это было самым любимым делом, а некоторые рисунки, созданные им, были настоящим украшением и радовали глаз не только самих ребят, но и их родителей, приезжающих в «родительский день».

В один из дней лета 1974 года, в пионерский лагерь имени А. П. Гайдара приехал корреспондент популярной и любимой многими в то время газеты «Вечерняя Москва». А уже скоро в одном из выпусков появилась фотография детей, занимавшихся в изостудии лагеря, на которой вместе со своим товарищем сидел и рисовал Игорь Алексеев. Под фотографией была небольшая записка о том, как пионеры готовятся к веселому карнавалу. Вырезка из этой газеты потом долго хранилась под стеклом письменного стола отца, за которым Игорь делал уроки. Стол и по сей день стоит в его домашнем рабочем кабинете.

Вспоминая свои школьные годы, Терентий признается, что часто получал призы именно за рисунки. Видимо, действительно неплохо рисовал и, главное, очень любил это занятие. У него оно легко получалось, но делать рисование своей будущей профессией ему совсем не хотелось. Более того, у него было полное убеждение в том, что профессии надо именно выучиться, освоить, приложив массу стараний и сил, а рисовать он и так умел. Ему хотелось стать археологом, астрономом, геологом, биологом, путешественником, кем-то именно из науки, но никак не художником.

Вообще-то с рисованием все складывалось довольно забавно. Обычно он себе говорил, что если из него ничего хорошего не выйдет, то художником-то он станет всегда. И вот теперь, когда он все-таки им стал, то с улыбкой вспоминает сказанное. И если кому-то рассказывает об этом, то непременно добавляет: «Ну, раз уж стал художником, то получается, что ничего путного из меня так и не вышло».

Профессия художника представлялась для него чем-то запасным. Он желал знать и уметь намного больше, чем то, что, казалось, всегда было с ним. Ему хотелось учиться, дерзать и преодолевать трудности, достигать высот самоотверженным трудом в неизвестном для него деле. На этом были построены все его игры и занятия в детстве. Это же он и внедрял в отношения со своими школьными друзьями.

К концу начальной школы он организовал дополнительные уроки, где каждый из ребят преподавал то, чем сам и увлекался. К примеру, Терентий – археологию, а его друзья, Коля Игумнов – биологию и Саша Басов – астрономию. Благодаря своим родителям они неплохо в этом разбирались. В этом районе жили преподаватели Московского университета, профессора, юристы, дипломаты.

Одноклассники Игоря были их детьми, и отсюда – знания. Они буквально их жаждали. Им не хватало обычных школьных уроков, и ребята часами не вылезали из читального зала районной детской библиотеки им. А. П. Гайдара. Терентий тогда бесповоротно влюбился в книги, в их запах, в их тишину. Эта любовь с ним и по сей день. Чудесное было время. Все они равнялись именно на ученых, а потому дополнительно учиться рисовать после школы Игорь и не думал. Видимо, считал, что умеет и ему вполне хватало нечастых, раз в неделю, посещений изостудии. С таким подходом к делу, да еще и с переездом на новую квартиру его рисование к восьмому классу заметно поугасло.

Может Терентий в чем-то и прав в своих суждениях, но у жизни были свои планы на этот счёт, и, несмотря ни на что, она с идеей художественного образования неотступно следовала за ним по пятам, не отпуская его от себя ни на шаг. И вскоре мы с вами сможем в этом окончательно убедиться.

К восьмому классу он полностью переключил свое внимание на музыку, самостоятельно освоив гитару и создав со своими друзьями Леонидом Чертовым, Димой Вороновым, Юрой Царевым, Володей Горчаковым, а позже и Сергеем Баранчиковым рок-группу «Ноев Ковчег». Его талант художника проявился и здесь. Рисуя плакаты своей рок-группы, он переснимал их и распространял черно-белые фотографии в классе. После окончания школы с ним произошли и вовсе невероятные события, связанные именно с рисованием.

В 1981 году Травник поступил в Московский электротехнический институт связи МЭИС, что недалеко от станции метро Авиамоторная, который и близко не был связан с искус-

ством, к тому же на сложнейший факультет радиоэлектроники. МЭИС был абсолютно технический ВУЗ с мощной военной кафедрой. Живописи там, казалось, и в помине нет места, но это только на первый взгляд.

МЭИС. Фото 2001 г.

Этот институт Алексеев выбрал не случайно. Еще в школе он любил именно математику и хорошо учился по геометрии, алгебре, а по физике, какое-то время был лучшим учеником школы, участвовал в олимпиадах и конкурсах, нередко побеждал. Точные науки давались ему всегда легко. Свой выбор в сторону технического образования он объяснял тем, что просто мечтал научиться электронике, получить знания, позволяющие создавать аппаратуру для своего вокально-инструментального ансамбля – купив детали, самому паять усилители, микшеры, эквалайзеры, собирать разные звуковые эффект-приставки, чтобы с этим выступать на сцене.

Парадокс ли, а может, провидение, но получилось, что именно этот технический ВУЗ стал той самой отправной точкой, началом большого пути для Терентия, но только совсем не в технику, а в то самое рисование, самую живопись, от которой он так уверенно всегда уходил. Именно учась здесь, он осознанно сделал первый серьезный шаг в необъятный и всепоглощающий мир искусства.

Первый курс закончил хорошо, а к концу второго, понял, что резко теряет интерес к учёбе, стал посещать занятия выборочно и принял решение уйти из института. К этому времени он успел зарекомендовать себя вполне перспективным студентом и получил предложение оформить академический отпуск, к тому же на тот момент он проходил обследование в 133-й МСЧ по линии военкомата, как будущий призывник.

Академический отпуск оказался, как никогда, к месту. Это было здорово! Он получил свободу, но при этом оставался студентом. Его тянуло в студенческое братство, вдохновлял свободный дух ваганта. Пребывая в академическом отпуске, он продолжал постоянно ездить в институт ради общения или, как говорит сейчас молодежь «потусоваться». Кстати, слово это в лексикон сегодняшней молодежи пришло как раз из тех лет – из среды хиппи.

В одну из «тусовок» институтских хиппи Терентий знакомится с Сашей Быковым – Yellow. Yellow (Желтый) его прозвали за то, что он когда-то переболел желтухой. Саша также был в «академке», и уже успел отпустить волосы. Среда хиппи была весьма привлекательна для обоих. Они быстро сошлись на почве музыки и рисования. Идея живописи вновь стала актуальна для Терентия, и Саша предложил ему не терять время зря, а поступить в вузовскую изостудию. Одновременно Быков просто и по-дружески вводит Терентия в курс дела «вольсатого братства». Именно в этот момент в душе Терентия и происходит та самая перемена, вольнодумное изменение ума, свойственное всякому интеллигентному юноше в восемнадцать с небольшим лет. Он понял – чем просто болтаться в «академке», лучше проводить это время с пользой: продолжать учиться в том же ВУЗе, но только... живописи.

Институт был той силой, что постоянно тянула его к себе. Московское студенчество манило и влекло, а сам он говорил, что «с упоительным безволием бросился в эту полувзрослую, полудетскую и, самое главное, свободную жизнь»:

«Надо просто хоть раз стать и быть студентом, чтобы по-настоящему понять, что это такое. Здесь всё – и первая любовь, и первый шаг навстречу миру, когда ты почти способен быть самостоятельным, но по-прежнему чувствуешь опору и поддержку своих родителей».

Тогда он бесповоротно для себя решил, что будет серьезно заниматься в вузовской студии и ходить на все ее занятия. Терентий всегда любил учиться. Свидетельством этому является не один десяток дипломов, справок, выписок, в общем, «корочек» о самых разных образованиях, начиная от нетрадиционной медицины и заканчивая слесарным и кулинарным делом.

Изостудия, куда он пришел, оказалась «весьма авторитетной, с волевым и знающим преподавателем». При поступлении Травник показал ему несколько своих рисунков и человек с большой рыжей бородой, в тяжелом вязаном свитере и с длинными волосами взял его в свою команду. В студии, 30 апреля 1983 года Терентий познакомится с Вадимом Овсянниковым (хиппи с именем Blomi), оказавшим впоследствии сильнейшее влияние и на жизнь, и на саму личность Травника.

«Мы как-то моментально с ним подружались, – вспоминает он в своих дневниках. – Так неожиданно-негаданно рисование, если и не вернулось из моего детства, то, по крайней мере, сделало попытку установить двустороннюю связь. С этого момента оно основательно укрепилось в моем сердце, все больше и больше вытесняя меня из ВУЗа, а ВУЗ из моего ума со всеми его „лабами“, семинарами и лекциями, с бесконечными радиосхемами, платами, осциллографами, антеннами и лампами».

Интересно то, что учась на самом сложном, можно сказать, элитном вузовском факультете АТиЭ (Автоматики, Телемеханики и Электроники, филиал Московского МИРЭА), его любимыми предметами оставались история КПСС, иностранный язык и программирование, которое тогда только зарождалось в стране.

Внутренний гуманитарий проснулся в нем, не давая спокойно радоваться свободам студенческой жизни, и мысль об уходе из института все настойчивей неотступно следовала за ним.

Вадим, который учился на другом факультете, все-таки удержался и закончил вуз. Овсянников стал для Терентия очень близким человеком и, в какой-то степени, олицетворением институтской жизни. Иногда Травник ездил на лекции только ради того, чтобы хоть на переменах пообщаться с ним. Подружившись, они нередко ходили на этюды, продолжая, активно заниматься в студии. Вот тогда-то и проявилась у Терентия обстоятельная живопись, и ему очень не хотелось возвращаться к техническим дисциплинам.

Шел 1983 год. После «академки» Терентий все же вернулся к учёбе в МЭИС, где вскоре в большом зале института прошла первая, важная для него выставка живописи. Теперь изменился и круг его общения: предпочтением стали не одноклассники, а студенты с другого факультета, где в то время собрались почти все художники студии. Там, на почти женском факультете, не было такого нажима со стороны военной кафедры, но ходить с длинными волосами все равно не разрешали. В академотпуске он отрастил «хайр» (от англ. hair) – так длинные волосы называли хиппи, со многими из которых он перезнакомился на московских улицах. «Мы узнавали друг друга по волосам, „прикиду“ – одежде, сумкам, перекинутым наискось через плечо», – пишет он в дневнике.

Москва. Хиппи начала восьмидесятых XX века.

Вот так незаметно произошло его вхождение в большую живопись и в мир хиппи, где каждый третий был художником. Постепенно занятие живописью вышло на первый план, став явно приоритетным. Полотна «Предчувствие», «Журавль», «Вечная память», «Осенний минор» ярко характеризуют манеру Травника того времени. Из института он все-таки ушел – ушел сознательно, несмотря на многочисленные уговоры знакомых остаться. Хорошо сдал сессию, и не мешкая, написал заявление об отчислении по собственному желанию. И дальше всё, что происходило: и его учеба в Полиграфическом училище, и учёба в Университете искусств, и корректорская, а позже редакторская работа в ТАСС, и работа в Музее Искусств народов Востока на Суворовском бульваре (теперь Никитском) – всё шло только под эгидой живописи.

ГМИНВ на Никитском (Суворовский б-р). Москва. Фото 1998 г.

После ухода из МЭИС Терентий понял, что ему нужно что-то большее от живописи. Он побывал на собеседовании в Художественном училище 1905-го года, но, не стал дожидаться осени и поступил в Народный Университет искусств на отделение станковой и монументальной живописи, где принимали документы в течение всего года. Одновременно, подал документы в Полиграфическое училище №144, что на Петровке, в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.